

В Красноярск приехал я 1-го января 1827 года, где по воле Аллаха, не доезжая тысячи вёрст до Иркутска, должно было кончиться моё путешествие. Там был губернатором Александр Петрович Степанов, мещовский наш помещик, к которому привёз я письмо от его матери. Со старушкой познакомился я только перед отъездом. Она меня полюбила и, узнавши, что я поеду через Красноярск, писала к сыну, чтоб я не имел другой квартиры и стола, кроме его дома. Однако ж я почёл неприличным приехать прямо с дороги в дом к губернатору и явился к нему на другой день поутру. Александр Петрович был мне очень рад, чрезвычайно обласкал как земляка, живущего от него в каких-нибудь 15 верстах, и начал уговаривать остаться на службе в его губернии.

...На первый же день я успел в доме губернатора познакомиться с целым городом, потому что это было воскресенье, а по воскресеньям у него бывали обеды. Сверх всякого ожидания, в таком отдалении я нашёл несколько знакомых: губернаторского чиновника особых поручений Клингера, который у нас, в калужском лесном институте, был надзирателем; баталионного командира подполковника Афанасьева, который, служа в киевском гренадерском полку, квартировал в Мещовском уезде и бывал у нас в Симонове; красноярского городничего фон Р...ра, которого мать жила от Симонова в 3-х верстах.

Лавинский после коронации поехал в Петербург, представление обо мне и письмо моё были отправлены туда к нему на первой почте. Будучи доволен всем Красноярском, я остался в нём дожидаться своей участи. Сделанные мною всей знати визиты немедленно мне были отданы. В рассуждении визитов наблюдалась в Красноярске большая аккуратность, но печатные визитные билеты были только у чиновников губернского правления, при котором состояла единственная в губернии типография, прочие же довольствовались чистописанием своих канцелярий.

Красноярск — небольшой губернский город, только в 1823 году открыта в нём губерния, а до того был он уездным Томской губернии. В нём до 900 домов, в числе коих десятка два каменных. Жителей более 6 тыс. душ.

От часовни я любил смотреть на Красноярск, расстилающийся по ровному месту прямыми широкими улицами, из которых главная имеет четыре версты длины. Можно утвердительно сказать, что Красноярск в непродолжительном времени будет хорошим губернским городом. Каменные и деревянные дома лучшей архитектуры растут ежегодно. Уже при мне исчезли китайские кровли ломаной фигуры, и редко встретите в окнах слюду, вычурно оправленную в жемчуг. С улицы эти окна очень красивы, но изнутри никуда не годятся, потому что сквозь них ничего не видно на улицу. Уничтожаются и верёвочки, привязанные к болтам ставней, чтобы можно было их отворять и затворять, не выходя из дома. Я прежде думал, что только одна сибирская лень сверлила и портила стены для пропуска верёвок; но после уверился, что это остаток старины, защита при осаде, когда, не подвергаясь опасности, нельзя было выйти на улицу. К неудобствам города принадлежат беспрестанные сильные ветры, дующие из окрестных гор, и разносимый ими по всему Красноярску песок, так что дома, прибрежные к Енисею, иногда принуждены бывают огребаться.

Театров нет во всей Сибири, а в Красноярске ни собраний, ни трактиров, ни извозчиков. Впрочем, я провёл там 4 месяца довольно весело и только спал у себя на квартире. Всякий день обедал и ужинал у губернатора; там из нескольких человек составлялся особый круг домашнего знакомства: читали журналы, новые книги, рассуждали о политике, о литературе, иногда играли в карты, шутили и даже злословили... известно: насчёт зажившихся в невестах красноярских дев. И хотя злословили без сердца, от нечего делать, но оттого пожилым девам не было легче, а особенно если наши крупные эпиграммы предательски доходили до их нежного слуха. По всем этим занятиям губернатор был нашим общим собеседником. В эту зиму в Красноярске почти все дни были разобраны, и человеку, не имеющему своего хозяйства, стоило только не лениться ездить по обедам. К почётному имениннику должно было являться три раза в день. В первый раз — в 9 часов утра с поздравлением, и тут хозяин приглашает вас обедать или на пирог; пирог — тот же обед, только без горячего, с правом садиться или не садиться за стол. В два

часа пополудни вы приезжаете на пирог или к обеду и, поевши, отправляетесь домой спать; а в 8 часов вечера гости собираются в третий раз: играть в карты и танцевать до бела света. Дамы приезжают только на бал, а к обедам не приглашаются.

Образованность Красноярска идёт об руку с образованностью России, то есть, смиряясь перед столицами, он равняется им, губернским городам, хоть, например, Калуге, где в настоящее время одна еле дышащая книжная лавка только и поддерживается, что шерстями, которые сметливый книгопродавец держит как заманку в магазин, для избавления себя от голодной смерти. Сибирь есть земля свободы, помещиков в ней нет, всё чиновное сосредоточивается в городах, как бы собирая в одни места умственные богатства. Там бóльшая часть служащих чиновников — люди, приехавшие из внутренней России; но приехавшие не за сокровищами, как в Бразилию, а из жажды познаний или из видов благородного честолюбия. Вот причина, почему в Сибири фрак преимуществоует перед мундиром и Фемида держит весы гораздо прямее, чем в нынешней Московии. В Красноярске большая половина советников, по неимению денег, ходит пешком, а секретарей губернских присутственных мест, как говорится, не видно и в щели. Красноярск до сих пор не имеет ещё гимназии, а целая Сибирь — университета. Причислять такую громадную страну к Казанскому округу немножко нецентрально. При понятливости сибиряков и любви их к просвещению собственный университет был бы кстати; место ему в Томске или Красноярске.

Политические известия получают в Красноярске против Петербурга позднее месяцем, а моды запаздывают целым годом. Роскошь там ещё не наложила свою свинцовую руку на карманы: не видно щегольских экипажей, разряженных, осыпанных бриллиантами дам, хотя многие и в состоянии были бы то сделать. Одно только шампанское часто льётся рекой; но для хлебосольства русский человек всегда готов выворотить карман наизнанку...

*Январь — май 1827 года*